

С.Н. Петрова

РОДОСЛОВНАЯ ПЕТРОВЫХ

Мои родители Петров Николай Иванович и Князева Мария Михайловна официально не были зарегистрированы в браке, хотя прожили вместе более 40 лет. Я однажды спросила, почему они не женились, имея 4-х детей. Объяснение простое – в комсомольской юности это считалось мешанством, позднее достаточно было справки от старшего офицера, чтобы подтвердить, что мама с детьми его жена. А когда мы выросли, то идти в ЗАГС им было просто стыдно.

ПЕТРОВЫ (происхождение моего отца)

Родом из Малороссии (Украины). Жили в Саратовской губернии Новоузенский уезд, село Дергачи.

На фото конца 19 века мой прадед Петров Семен Федорович и прабабка по отцу (родители Петрова Ивана Семеновича).

Мой прадед по матери отца был зажиточным, даже имел в селе булочную. Из-за этого моего отца когда-то не приняли в партию, кто-то донес о лавке родственников. Отец после фронта не мог нас прокормить, мы голодали, а членство в партии могло повысить его статус и зарплату.

Пелагея Никифоровна Кравченко (моя бабка с отцовской стороны, мы звали ее «Бабка Пулюка») вышла замуж за бедняка Ивана Семеновича Петрова – его звали в

деревне «примаком», т.к. не имея своего хозяйства, он жил в доме жены. Видимо был хорош собой, если родители согласились на брак, несмотря на то, что это было в деревне позорным.

Это фото начала 20го века моего прадеда Петрова Семена Федоровича, деда Петрова Ивана Семеновича, бабушки Пелагеи Никифоровны.

Молодой много пил от унижения в семье, выезжал на заработки в Баку после революции, где окончательно спился. По легенде, пьяный замерз «под забором». Якобы после этого его трое детей поклялись не пить. Действительно, дети никогда ничего не

пили даже в гостях, чему я свидетель. И дети, и внуки наши не пьют. Это проклятие бабки Пулюки.

На фото, сделанном в с. Дергачи Саратовской области в 1925г., Петрова Пелагея Никифоровна с взрослыми детьми: дочерью Капитолиной, сыновьями Алексеем, Николаем (справа – мой отец).

Позднее в 30е годы после голода в Поволжье моя бабушка с детьми переселилась в Саратов. Бедная мать поднимала одна троих детей, дала им образование. Она умерла до войны.

Старший брат отца Алексей Иванович (2.4.1903 – 13.4.1978) был по природе делец, «умел жить». Во время войны имел «бронь», прикидываясь эпилептиком (по маминой версии пускал на комиссии пену изо рта от кусочка мыла), а мой отец при четырех малышах воевал. Дядя Леня деньги делал из ничего (включая спекуляцию старыми золотыми зубными коронками),

Помню, как в году 1948 родители после войны не могли прокормить нас, мы голодали. Однажды родители и я зашли к дяде Лене, пока взрослые что-то обсуждали, я залезла под стол и наткнулась на кучу пачек денег, потрясенная я вылезла из-под стола и стала маме на ухо шептать об этом. Мама щелкнула меня по затылку. Дома, правда, эта тема обсуждалась родителями.

Кончил техникум, его мечтой было богатство. Он к концу жизни накопил около ста тысяч, жил в страшной нужде, как Корейко, боясь, что деньги отберут. Оставил их в наследство дочери, которая в дефолт их потеряла.

Сестра отца Капитолина Ивановна (13.11.1898 – 1.1.1970) была скромной, тихой женщиной, окончила пединститут, работала математиком в вечерних школах. После революции содержала моих отца и мать (учительствовала в деревне), когда закрылась лавка во время голода в 20-е годы. Недолго была замужем, поэтому сын (14.4.1932) Леонид по фамилии Турунов, всю жизнь после Саратовского государственного университета (СГУ) работал в Сибири в Якутии геологом, нефть искал – это 60-е годы. Добродушный работяга и хороший человек.

Младший в семье – мой отец - Николай Иванович (18.3.1906 – 2.02.1971) – был несколько другой породы у Петровых. Высокий кудрявый брюнет с романтическим складом ума, ростом 1,8 м, (моя мама была ему ровно по плечо). Закончил трудовую школу 2-й ступени в Дергачах. В характеристике указано, что до революции находился на иждивении матери, которая занималась мелкой торговлей. В учебе был перерыв на год вследствие голода (знаменитый голод в Поволжье в 20-е годы, как они пережили его неизвестно). В школе был редактором газеты, общественником. Работал с 1924 по 1926г. «избачом» (заведующий избой - читальной), сельским учителем и др. в Дергачах.

После рабфака поступил в 1928г в СГУ на педфак, а после окончания его в 1931 г. был преподавателем педтехникума Саратова. Всю жизнь любил литературу, много читал, приучил меня к этому.

В 1932 г. был призван в армию и, позднее, оставив маму беременной Люсей, отослан на Дальний Восток (государство не спрашивало, хочется ли тебе этого – кадры для войны нужны были), где окончил артиллерийские курсы, стал офицером и преподавал курсантам как стрелять из пушек, он был на хорошем счету.

7 ноября 1938г., село Раздольное, Дальний Восток мой отец Петров Н.И.

Позднее туда приехала мама, там родились три младшие дочери, Люся – еще в Саратове.

В начале войны отца не отсылали на фронт – он работал на него, обучая в военном училище курсантов. Только в 1944г., когда стал ясен исход войны, училище закрыли, всех курсантов и преподавателей послали на фронт.

КНЯЗЕВЫ (происхождение моей матери)

Жили в Саратовской губернии Новоузенского уезда, село Дергачи.

Князев Михаил Ефремович (21.11.1869 – 5.3.1924 г.) - мой дед по матери. Родился в селе Грачевка Бузулукского уезда Самарской губернии. Умер в селе Миусс Федоровского района Саратовской области от тифа.

В начале 1900-х годов остался вдовцом с тремя детьми, вторично женился на вдове Подгайной Марии Васильевне (14.4.1868 – 17.2.1944г.). Это моя «баба Маша» (урожденная Завгородняя).

У деда до вступления во второй брак были дети:

Князева (в браке Бодрова) Анастасия (12.11.1895 -06.1922),

Князева (в браке Шишова) Евдокия (13.3.1893 -2.12.1964),

Князева (в браке Лукина) Антонина (20 .4.1901-28.6.1962).

У бабушки был сын от первого брака Подгайный Иван Степанович (1893 -1940).

Затем появились совместные дети:

Князев Василий Михайлович (14.1.1906 -.1931),

Князева Мария Михайловна (7.11.1907 – 15.2.1991).

Князевы из крестьян, во время войны 1914г. дед, будучи по природе неглупым, на фронте окончил фельдшерские курсы, хорошо воевал (получил в награду швейцарские серебряные часы), стал после войны работать в селе фельдшером. Это сделало его сельской интеллигенцией. Поэтому его дети получили хорошее, по тем временам, образование: две дочери окончили гимназию, моя мама педтехникум. Это давало право им быть учительницами.

Прилагаю фото родителей моей матери (супругов Князевых). Снимок сделан в городе Пугачеве Саратовской области в 1914г.

Баба Маша (Мария Васильевна) героически растила и выводила в люди шестерых детей. Пережила смерть мужа, голод 1920-х и 1930-х годов. Перед своей смертью жила с нами на Дальнем Востоке, воспитывая нас – 4 внушек. Баба Маша умерла в 1944г. от воспаления легких.

Князева–Бодрова Анастасия умерла в молодости от чахотки, успев выйти замуж. Судьба свела меня с ее вдовцом в Уфе в 1968г., где он жил со второй семьей, а я работала по назначению после университета. Это был интеллигентный старик, прошедший

тяжелый жизненный путь (работал в тайге с раскулаченными, война, где он был хирургом).

Князева–Шишова Евдокия (тетя Душа) вышла замуж за фельдшера Шишова Николая Сергеевича, они всю жизнь прожили в Пограничке Новоузенского района, село на границе Саратовской области с Казахстаном. Борис Шишов (8.03.22- 198..), их единственный сын, о судьбе которого я написала отдельно (см. приложение 1).

Князева–Лукина Антонина после окончания гимназии была учительницей в детдоме. Всю жизнь потом работала счетоводом, в 1924 году вышла замуж за Алексея Михайловича Лукина, с ним работала в Средней Азии – в Ходженге Таджикской ССР. В 1936г. они переехали в Саратов. Про мужа она пишет в автобиографии: «в феврале 1938 года муж был взят органами НКВД г. Саратова, с тех пор я не знаю, где он находится, т.к. переписки с ним не имею». А все знали – его посадили за анекдот, рассказанный в пьяной компании. Больше никто о нем ничего не слышал. В 60-х годах пришло приглашение в МГБ (тогдашнее КГБ) для получения документа о его посмертной реабилитации. В это время тетя Тоня была лежачей больной, так что мама, как сводная сестра, со страхом сходила в МГБ. Ей вручили бумажку о реабилитации, где было указано, что Лукин умер во время войны на севере. С такой формулировкой справки выдавали в Саратове многим, все понимали, что реально всех «политических» просто расстреливали сразу. Никаких компенсаций денежных больной вдове не полагалось.

После отъезда бабушки с моей мамой на Дальний Восток, супруги Лукины стали жить в бабушкиной комнате в Саратове на Мичуринской улице. Именно туда в эту 15-ти метровую комнату к тете Тоне вернулись мы (моя мама с 4-мя дочерьми) в 1944 г., когда отец уехал на фронт, т.к. комната была «записана» за мамой. Нетрудно представить, как приятно тете Тоне было нас терпеть. Лишь через год после возвращения с войны отца мы получили 12-ти метровую комнату на Коммунарной улице.

Подгайный Иван Степанович – сводный брат моей мамы – работал учителем, был женат, жил в Саратове, имел двух дочерей, потом разошелся с женой и уехал вслед за нашей семьей на Дальний Восток, где постепенно спивался. Работал преподавателем на Камчатке, затем его выгнали за систематическое пьянство. В 1937 г. работал корректором в типографии газеты «Камчатская правда», затем грузчиком. Бабушка очень за него переживала. В последний раз он явился к нам по месту службы отца совсем бомжем, его помыли, покормили и отправили в никуда (а это были 30-е страшные годы). Места были режимные (там во всех поселках были лагеря ГУЛАГа), держать в нашем доме его было страшно, отец боялся за нас и себя. Больше Ивана Степановича никто не видел. Мама делала попытку его разыскать, но тщетно, дата смерти условна.

Князев Василий Михайлович был совестливым, умным, немного желчным человеком, дружил с моим отцом (они все были из одного села), вместе учились в школе, затем были «избачами» - боролись с безграмотностью, потом учились на педфаке СГУ.

На фото в центре мои родители Князева М.М., Петров Н.И., справа мой дядя Князев Василий Михайлович.

Жизнь Василия Михайловича кончилась трагически во время коллективизации в 1931 году. Его – выпускника СГУ – послали помогать раскулачивать в соседние деревни области обычных крестьян, то есть зимой вышвыривали людей из домов, даже не давая взять с собой теплые вещи, на санях вывозили на станции, оттуда в Сибирь. Сцены были дикие, он не выдержал всего, будучи порядочным человеком, и повесился в какой-то избе, оставив своей матери записку, что больше не может... Комсомольцы группы по раскулачиванию осудили его поступок. Каково было семье – он был всеобщим любимцем – страшно представить.

Князева Мария Михайловна – моя мама, с детства знакома была с отцом в селе Дергачи. Она была маленькой, подвижной и активной, вместе с отцом учились, боролись с неграмотностью на селе. Потом учились на педфаках СГУ в Саратове, она на математическом факультете, отец – на филологическом.

После учебы она работала до отъезда на Дальний Восток к мужу в библиотеке СГУ.

НАША СЕМЬЯ

Отца призвали в армию и послали на Дальний Восток в 1934г, а беременная мама осталась с бабушкой в Саратове. Родив Люсю, моя мама поехала с бабушкой к отцу. Там мама стала работать учительницей математики старших классов.

Потом родились остальные дочери (в год по одной – Юля, Вика, я). Тогда декретный отпуск был 1,5 месяца, после чего выходили на работу, но в рабочее время предоставляли час на кормление ребенка, так что мама выкормила нас только благодаря бабушке, на попечении которой мы оставались весь день.

Мама была хорошим преподавателем, сохранились благодарственные письма ее взрослых учеников.

Князева М.М. и Петров Н.И. на Дальнем Востоке.

Во время службы военную часть отца все время переводили с места на место, то он преподаватель Владивостокского Военно-пехотного училища, то учебно-артиллерийского полка офицерского состава, то неопределенно – на командных должностях...

В начале войны в ноябре 1941г. все боялись, что Япония нападет на СССР, поэтому все семьи офицеров были эвакуированы в Сибирь. Нас (четверых девочек) с бабушкой и мамой эвакуировали вместе со скарбом на станцию Люблинская Омской области. Там мы прожили более года, а потом выяснилось, что Япония на нас не нападет, все семьи военных были возвращены на прежние места.

Когда в 1944г. отца отправили на фронт, мама с нами вернулась в Саратов. Жить на офицерский паек, который высылал отец, было очень голодно, мама не могла нас пристроить в детский сад, оставлять нас одних было страшно, мне было 5 лет всего, и она не работала.

В нашем доме жили соседи, которые спекулировали на рынке папиросами, они выбрасывали очистки от картошки, мы их мыли и варили, ели как картошку в мундире... Любимым блюдом была «тюря» - мука, разведенная горячей водой, и немного сахара.

На фронте отец был с октября 1944 по май 1945 начальником штаба, освобождал Польшу, Восточную Пруссию, воевал под Кенигсбергом, юго-восточнее Берлина, имел много благодарностей и орден Красного знамени, два ордена Красной Звезды, три медали. В письмах очень беспокоился о дочерях, мы без конца болели и голодали. К счастью, его не ранило, но в госпитале лежал однажды – было воспаление легких.

Демобилизовался с трудом в 1946 капитаном. Устроился работать в саратовское танковое училище старшим преподавателем русского языка, затем в 1948 - в школу милиции преподавателем литературы, позднее перешел в юридический институт, вышел на пенсию майором.

Когда я пошла в школу, мама начала работать математиком в старших классах. Временами работала одновременно в вечерних школах, но денег не хватало.

Когда отец приехал с фронта, ничего не изменилось – также голодали, хлеб по карточкам был дешевый, но его не хватало, а на базаре буханка хлеба стоила 700 рублей, это преподавательская зарплата отца в месяц.

Фото отца 22ноября 1948г.

После войны в период разрухи жить честно с 4-мя детьми на зарплату было очень тяжело, наши родители по-другому жить не умели и не могли. Тогда меня посылали подкормиться в Пограничку (к тете Душе – сестре мамы), но это не решало проблемы.

Тетя Душа, видя наши страдания, пригласила нашу семью переехать в деревню, где можно было выжить. Родители посоветовались, но, думая о нашем образовании, решили как-нибудь продержаться в городе. Это дало нам всем возможность в дальнейшем получить высшее образование. Затем мама стала работать в десятилетке математиком, и так всю жизнь, иногда подрабатывая в вечерней школе, денег в семье не было на элементарные вещи.

Хозяйством маме некогда было заниматься, она еле успевала проверять тетради учеников и опять вечером бежала в другую школу. Кормила реально всех я: варила большие кастрюли щей, ставила самовар, кое-как мыла посуду, бегала на базар и пр. Ни газа, ни горячей воды в нашей 12-ти метровой комнате не было.

Следует отметить, что отец не пил, не курил (на фронте даже менял спиртное и табак на шоколад у летчиков для нас), не изменял маме, которая правила всем в семье.

Прилагаю фото нашей семьи 1954 г.

Видно, что мы достаточно истощены. Жизнь была трудной, но родители сделали главное – приучили нас к книгам, на последние гроши водили в Оперный театр, в музей.

Дети Петрова Николая Ивановича и Князевой Марии Михайловны:

Людмила Николаевна (родилась 31.10.34 в Саратове).

Юлия Николаевна (родилась 27.01.37 на Дальнем Востоке).

Виктория Николаевна (родилась 21.03.38 на Дальнем Востоке).

Светлана Николаевна (родилась 19.06.39 на Дальнем Востоке).

Все четверо окончили среднюю школу №8 г. Саратова (Люся, Вика с золотыми медалями, я – с серебряной), а затем учились в Саратовском университете СГУ – Люся (красный диплом), Вика и я на физическом факультете, Юля – мехмат.

Мы были благодарны родителям, что в очень трудное время они сумели дать нам высшее образование и этим определили наше будущее.

В нашем доме родителей звали на «Вы», Это сложилось по нескольким причинам: родители с детства жили в деревне, в Поволжье было принято так, а после высшего образования в городской местности их тоже, уже как преподавателей, звали на «Вы». Даже лучшие подруги мамы звали ее Марией Михайловной.

Окончив СГУ, мы уезжали из дома по направлению ВУЗа - в те строгие времена государство определяло наши судьбы. Я, последняя дочь, уехала в 1961 г. в Уфу. Жизнь дочерей и их потомство – отдельная история.

Родители прожили вдвоем до 1971г., отец умер от инфаркта миокарда . Похоронен в Саратове. Мама осталась в окружении подруг и знакомых, она была очень общительна. Со временем мама уже не могла обслуживать себя. Сестра Юля перевезла маму к себе в Новороссийск. После приезда к Юле мама окончательно «сдала», даже перестала писать письма дочерям, а раньше это было ее любимое занятие.

Мама умерла в 1991 г., пережив отца на 20 лет. Все дочери прилетали на похороны в Новороссийск. Могила мамы на горе, внизу Цемесская бухта. Прожила всю жизнь на Волге, а похоронена на берегу моря...

Фото сестер Петровых , Новороссийск, после похорон мамы.

Столь подробную родословную нашего рода и точные даты жизни родственников я сумела написать благодаря М.М. Князевой (моей матери): она оставила перечень всех родственников и даты их жизни, сохранила много документов – наш семейный архив. Я с удовольствием с детства слушала рассказы о прошлом. К сожалению, ничего не записывала.

ШИШОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Борис мой двоюродный брат. Его мать Князева – Шишова Евдокия (тетя Душа) вышла замуж за фельдшера Шишова Николая Сергеевича, они всю жизнь прожили в селе Пограничное (в просторечье Пограничка) Новоузенского района, Саратовской области, село на границе с Казахстаном. У них был один сын Борис (08.03.22 – 198..).

Он после окончания школы поступил в танковое училище в Петергофе, в первые дни войны всех курсантов бросили сразу на фронт. В первом же бою под Ленинградом танк подбили. Борис, раненый в голову и с ожогами, попал в плен, но выжил, сказавшись деревенская закалка.

Он прошел все круги ада – бежал несколько раз из концлагерей, скрывался у местных жителей, потом его кто-то выдавал немцам, его снова в лагерях зверски избивали, он опять бежал и т.д. Он прошел всю Европу, научился немного всем языкам, а в конце войны прибился во Франции к войскам сопротивления «маки», где хорошо воевал, о чем свидетельствуют документы, которые я у него видела.

Когда кончилась война, он служил в Париже в советском консульстве. Это было прекрасное время: он был молод, красив (похож на Пастернака в молодости), его любили парижанки, у него появилась невеста, дочь хозяина быстро, ее фотографию он показывал мне в Пограничке – типичная копия кинозвезд того времени.

Но в 1946 г. его отозвали домой. Надо было решать свою судьбу – везти любимую в саратовскую деревню или становиться «невозвращенцем». Тут вышел приказ Сталина, запрещающий жениться на иностранках, и сколько человеческих судеб было искалечено!

Позднее в наш дом пришло письмо из Франции для Бориса, что напугало моих родителей, т.к. письмо из-за границы было чревато неприятностями в те годы, в письме говорилось, что у француженки родилась дочь, ответа от Бориса не последовало...

После Парижа Борис прошел, естественно, расследование в СМЕРШе, как всякий, бывший в плену. Ему повезло, попался порядочный следователь, он изучил его документы и подсказал Борису что делать, чтобы не попасть в лагерь для военнопленных – посоветовал вернуться в деревню и затаиться там. Действительно, никаких репрессий он не имел, руки МГБ до деревни не дошли.

Он сначала заехал к нам в Саратов – родители мои были потрясены этой историей, а уж как восприняли его появление в деревне можно представить. Никто не знал о его судьбе всю войну, все считали, что он погиб.

Тетя Душа (так ее звали мы) в свое время спасла нас от голодной смерти. Когда отец был на фронте, мы жили на его аттестат – так назывались деньги, которые платили офицерским женам и детям. Для существования это было очень мало. Поэтому меня дважды посылали в Пограничку к ней – в 1945 г. на зиму и на лето, года через два летом. Там я впервые в 6 лет узнала, что такое сливочное масло, дома мы его не ели – роскошь. Помню, что жила в Пограничке и моя сестра Вика, у нее были плохие легкие, там отъедалась сливками, у тети Души была корова и пр.

После Парижа Борису морально жить в разоренной войной деревне было тяжело. Стал работать учителем иностранных языков в школе, женился на учительнице, чем-то напоминающей парижанку. По совету моего отца поступил на заочный факультет СГУ, приезжал на сессии к нам, спал на полу (мы жили в 12 метровой комнате 6 человек), но СГУ окончил. Потом у него родились дети.

Все это о себе Борис рассказал мне, когда я приезжала к ним в гости в 1975 г. Он показывал много фотографий, в том числе той парижанки, на обороте фото была надпись по-французски, я попросила перевести. Он смутился и отказался, видимо рана еще не зажила.

Конечно, он выделялся своим видом, образованием, уровнем в разоренной войной и разрухой деревне. Стал пить, первый сын умер от последствий его пьянства.

Борис стал председателем колхоза, а в 1975 г, когда я его видела в последний раз, он был хозяином деревни – парторгом. При мне ежедневно пил с колхозниками, вдохновляя их на выполнение соцобязательств. Я пыталась поговорить с ним о вреде пьянства, но какой толк, что можно изменить? Погублена жизнь яркого человека...

В 1984 г. моя дочь отдыхала в Пограничке, Борис был еще жив. Его сын Николай стал уже председателем сельсовета.

История жизни Бориса Шишова достойна памяти и поучительна. Пример того, как простой деревенский парнишка прошел пешком всю Европу, участвовал в освобождении Франции и закончил жизнь чисто по-русски...